Г.У.Солдатова

Психологический потенциал сдерживания межэтнической напряженности в республиках России

Межэтническая напряженность рассматривается как социально-психологическая составляющая этнических конфликтов. Главная цель данной статьи - исследование психологического потенциала роста или сдерживания межэтнической напряженности у титульных народов и русского населения в республиках Российской Федерации - Северной Осетии, Туве, Саха (Якутии) и Татарстане.

Особенности отношений между этническими группами и степень групповой психологической готовности к развитию или сдерживанию этнического конфликта мы оценивали на основе а) тенденций формирования этнической идентичности; б) показателей агрессивности; в) уровня общей социальной фрустрации и фрустрации, обусловленной межэтническими проблемами; г) выраженности потребности в этнической принадлежности; д) выбора стратегии поведения в ситуациях межэтнических разногласий и конфликтов.

Поскольку это исследование проводилось на основе данных, полученных с помощью этносоциологического опросника, мы кроме специальных психологических индикаторов,

включенных в опросник, использовали также некоторые социологические индикаторы. Эти индикаторы помимо основного предназначения, предполагаемого их авторами, прямо или косвенно являются, на наш взгляд, объяснительными параметрами межэтнических отношений, процессов межэтнической напряженности и этнической мобилизации. На этапе первичной обработки данных использование для анализа такого избыточного эмпирического поля представляет счастливую возможность глубже разобраться в многозависимых социально- психологических процессах.

Первичная обработка на данном этапе была осуществлена на качественном уровне. На основе сравнительного анализа выделялись группы качеств, имеющие наибольшие веса (процентную выраженность) в общей совокупности признаков по данному показателю у титульных народов и русского населения республик. Для выявления общих тенденций по некоторым показателям был осуществлен графический анализ на основе подсчета среднего процентного выражения по ряду параметров. Сравнительный анализ перечисленных показателей у титульных народов и русского населения как по горизонтали (между титульным и русским населением республик в целом), так и по вертикали (внутри республик) позволил выявить специфику межнациональных отношений на разных уровнях. Объединяя при анализе титульные народы республик и их русское население в две сравнительные группы, мы ни в коем случае ни нивелируем различия между самими титульными народами или между русскими в различных республиках, а просто считаем возможным выделение некоторых общих тенденций.

Тенденции трансформации этнической идентичности анализируются в контексте межэтнического взаимодействия. На основе оценок уровня негативизма, порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, выраженности агрессивных и враждебных проявлений рассматриваются тенденции трансформации этнической идентичности по следующим типам: этнонигилизм, этническая индифферентность, норма - позитивное отношение не только к своему народу, но и другим и гиперидентичность (этноцентризм, этноизоляцио-

низм, национальный фанатизм)[1]. В данном случае использовался ряд индикаторов, отражающих на наш взгляд, одну из важных сторон указанных тенденций. Эти индикаторы показали свою надежность на основе апробации методической разработки "Типы этнической идентичности" (разрабатывалось совместно с Рыжовой С.В.) на 180 респондентах.

На основе нижеперечисленных индикаторов респонденты относили себя к разным типам людей ("Я отношусь к людям, которые..."): "трудно уживаются с людьми своей национальности" (этнонигилизм); "никогда серьезно не относились к национальным проблемам" (этническая индифферентность); "готовы иметь дело с представителем любого народа, несмотря на расовые и национальные различия" (норма); "раздражаются при близком общении с людьми других национальностей" (этноцентризм); "считают, что межнациональные браки размывают нацию" (этноизоляционизм); "считают, что любые средства хороши для отстаивания благополучия собственного народа" (национальный фанатизм).

Формирование этнической идентичности по типу "нормы" предполагает соотношение в структуре идентичности позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. Доминирование "нормы" над всеми другими тенденциями формирования этнической идентичности как у титульных народов (среднее - 77.4%), так и у русского населения республик (среднее - 86.3%) (см. Рис. 1а, 1б.), отражает существование значительного психологического потенциала по сдерживанию роста межэтнической напряженности между этими народами. Кроме того это свидетельствует о широких возможностях межэтнической кооперации у всех этнических групп и в большей степени у русского населения республик.

Тех, для кого национальные проблемы не представляют серьезного интереса, больше среди групп русского населения в республиках (среднее 48.8%), в то время как среди титульных народов эта тенденция в целом несколько ниже (среднее - 40.3%). Этнически индифферентных оказалось больше среди тувинцев, вероятно в силу их большинства в республике, и среди русских в Татарстане, где практически не было серьез-

ных межнациональных конфликтов. В условиях повышенной актуальности национальных проблем такой высокий процент этнически индифферентных людей как среди титульного, так и русского населения, вероятно, образовался на базе респондентов, представляющих социально-пассивную группу. По данным ВЦИОМА, эта группа составляет обычно от 15% до 20% выборки. Это могут быть те люди, которых не заденут и не захватят групповые процессы этнополитической и этнокультурной мобилизации. Однако это не значит, что на личностном уровне они смогут избежать действий в межнациональном контексте. От реальности им уйти не удалось - в соответствии с их ответами почти 1/3 (около 28%) этнически индифферентных респондентов титульной национальности принимали личное участие в межнациональных спорах в Северной Осетии и в Якутии. В Татарстане эта цифра значительно меньше, тем не менее 1/10 этнически индифферентных татар упомянуло о личном участии в межнациональных разногласиях и спорах.

Основой формирования гиперидентичности, как кризисной формы этнической идентичности, является переход от нормального предпочтения собственной этнической группы к абсолютной убежденности в превосходстве над "чужими". При таком типе идентичности, характеризующимся снижением этнической толерантности, реальным становится поведение, когда на основе политики частичного ограничения прав, привилегий и возможностей членов других этнических групп, становится более вероятным переход к насилию как форме действия и агрессивному стилю решения конфликтов. Гиперидентичность мы рассматриваем как характеристику этнического самосознания "наступательного" типа, отражающего стремление представителей группы к этническому доминированию. Она проявляется в форме этнической нетерпимости в межэтническом взаимодействии.

Уровень гиперидентичности у титульных народов Северной Осетии, Саха(Якутии) и Татарстана выше по сравнению с гиперидентичностью русских (см. Рис. 1а 1,б). Сравнительно низкая гиперидентичность русских Татарстана, Саха(Якутии) и Северной Осетии при выраженной "норме" этнической

идентичности показывает, что этническая принадлежность для русских не несет той статусной значимости, какую имеет этническая принадлежность для титульных народов. Русские стремятся в первую очередь сохранить свою социально-профессиональную нишу и поэтому демонстрируют более высокий уровень этнической толерантности.

Соотносительные уровни гиперидентичности у титульных народов и русских различаются по республикам. Например, в Туве гиперидентичность русских, составляющих подавляющую часть городского населения, хотя и превышает гиперидентичность тувинцев, но не намного. В Татарстане, напротив, несмотря на отсутствие острых и открытых межнациональных конфликтов, гипер- идентичность титульной национальности почти в 2.5 раза (на 32%) превышает гиперидентичность у местных русских. Вероятно, такие показатели зависят не только от особенностей межнациональных отношений в республиках, но и от более общей конфликтной ситуации, определяемой на основе межнациональной расстановки сил внутри России в целом.

Выявленные особенности гиперидентичности вероятно являются отражением общего стремления титульных народов к этническому доминированию на своей этнической территории. В наибольшей степени это свойственно осетинам и татарам. В Осетии выраженность такой тенденции в большой степени определяется осетино-ингуш-ским конфликтом. В группах русских, в сравнении с титульными народами, более высокие значении "нормы" и этнической индифферентности в сочетании с более низкой степенью гипер-идентичности, что свидетельствует о сравнительно высокой этнической толерантности. Таким образом можно ожидать, что в межэтническом противостоянии одна из сторон будет более терпима, а это одно из важнейших условий сдерживания роста межэтнической напряженности.

В ситуации межэтнической напряженности важной характеристикой взаимоотношений выступают показатели агрессивности. В разных культурах у детей до того, как они освоят специфические социализированные нормы поведения, тип и частота агрессивных актов практически совпадает. В процес-

се социализации агрессивное поведение как совокупность враждебных действий, направленных на причинение другим ущерба и страдания, попадает под контроль социальных норм, функций и ситуаций. Мы сделали попутку сравнить показатели агрессивности и их зависимость от социальных ситуаций у представителей разных этнических групп в республиках.

Индексы агрессивности оценивались на основе анализа конфликтных ситуаций на личностном и групповом уровнях. Для этой цели мы использовали также и вопросы, предложенные другими участниками проекта. На личностном уровне рассматривалась ситуация прямой агрессии ("Если кто-то ведет себя агрессивно по отношению к Вам, как Вы обычно поступаете?"). Здесь мы выделяем следующие показатели: враждебная агрессия (прямая угроза жизни, например, применение оружия); скрытая агрессия ("ухожу от конфликта, но не прощаю"), "норма возмездия" (ответ на агрессию пропорциональной "ответной" агрессией - "отвечаю тем же"). "Норма возмездия" - это более древняя форма взаимоотношений, соответствующая ветхозаветной формулировке: "перелом за перелом, око за око, зуб за зуб", по сравнению с требованием нагорной проповеди Нового завета не противиться злому.

На групповом уровне мы рассматривали, во-первых, ситуацию межэтнического конфликта (выясняется отношение к насильственным акциям в ситуации межнационального конфликта) и ситуацию, связанную с реализацией суверенитета (допустимость жертв в ситуации реализации суверенитета). Эти вопросы подробно анализируются в этнополитическом и этносоциологическом аспектах в других статьях данного сборника. Здесь мы рассматриваем оценку допустимости насильственных действий как индикатор инструментальной агрессии (признание возможности агрессивных действий при наличии важных оправдательных причин, когда агрессия выступает в качестве средства достижения определенной цели, например, ради реализации суверенитета возможны такие жертвы как массовые перемещения людей, войны, межнациональные конфликты; есть ситуации, "когда только насильственные действия могут принести результат"). Также срав-

нивались оценки "агрессивности", как качества, характерного для собственной и другой этнической группы.

В ситуации прямой агрессии на личностном уровне число "агрессивных" (давших "агрессивные" ответы) и "неагрессивных" (давших “неагрессивные" ответы) оказалось приблизительно одинаковым - "пятьдесят на пятьдесят" для различных этнических групп. Отметим, что наиболее значимые различия в нашем исследовании по количеству агрессивных ответов получены не между этническими группами, а по половому признаку и возрастным различиям, вне зависимости от национальной принадлежности. Так, "закона возмездия" во всех культурах практически в два раза чаще придерживаются мужчины (главным образом, в возрасте от 20 до 39 лет), женщинам более свойственна скрытая агрессия и стремление сгладить конфликт, пойти на односторонние уступки. Агрессивные ответы (скрытая, ответная и враждебная агрессия) и неагрессивные ("сгладить конфликт", "пойти на односторонние уступки") соответственно в среднем дают 54.8% и 43.6% среди титульных национальностей и 46.5% и 49.1% - среди русских. Среди титульных национальностей самый высокий уровень "агрессивных" ответов среди якутов (63%). Это происходит за счет расширения границ "нормы возмездия" - 40% якутов считают, что они "ответят тем же" в ситуации непосредственной агрессии. В этой группе доминируют молодые люди 18-24 лет, отличающиеся, как известно, в этом возрасте наибольшим максимализмом.

Другая картина в оценке допустимости агрессивных или насильственных действий в групповой конфликтной ситуации. Групповые насильственные действия в ситуации межэтнического и межгосударственного (внутригосударственного) конфликта соответственно поддерживают в среднем среди титульных национальностей 14.6% и 28.4% и среди русских - 12.6% и 20%. В Северной Осетии уровень допустимости насилия в межэтнических конфликтах выше и у осетин и у русского населения по сравнению с другими группами, изучавшимися в исследовании. В Туве почти 45% тувинцев считают допустимым этнические конфликты, гражданские и межгосударственные войны ради реализации суверенитета. Сравни-

вая эти данные, мы видим как приблизительно одинаковый личностный потенциал агрессивности в каждой этнической группе гасится на групповом уровне в зависимости от различных параметров (политических, социальных, демографических и др.) социальных ситуаций.

И титульным народам, и особенно русскому населению республик, если и свойственны тенденции к агрессивности, то они имеют скорее защитный характер не только на групповом, но и на личностном уровне. Это в частности выражается в усилении проективных механизмов в межэтническом восприятии (перенос социально-нежелательных характеристик на другую этническую группу). Так, можно отметить существенные различия в уровне приписывания такого качества как "агрессивность" собственной этнической группе и приписыванием агрессивности титульным народам среди русского населения республик (средние значения в целом по русским соответственно равны 36.5% и 63.8%).

Рост этнической напряженности зависит от уровня фрустрации общества. Фрустрация в психологии рассматривается обычно как специфическое психическое состояние неудовлетворенности и переживания жизненных трудностей индивидом. Наличие большого числа фрустрированных личностей поднимает уровень аффективной заряженности общества. В ситуациях роста межэтнической напряженности накопление негативного эмоционального возбуждения в сфере межнациональных отношений, естественно, связано не только с проблемами в межнациональных отношениях, но и с общими социально-экономическими условиями. В результате продолжительной фрустрации и накопления негативных эмоций повышается вероятность агрессивных реакций в этноконтактных ситуациях. По мнению психологов тип эмоциональных агрессивных реакций, помимо прочих факторов, зависит от времени: фрустрация, связанная с прошлым порождает страх, с настоящим - гнев, с будущим - печаль, отчаяние [2]. При гневе, как эмоции с высоким уровнем плотности (уровень нейронной активности высок и постоянен) сопровождаемой, как правило, уверенностью и импульсивностью, существует сильная тенденция что- либо предпринять. Поэтому фрустрация, связан-

ная с настоящим, наиболее приближена к агрессивным реакциям. Наша задача - сравнить уровни групповой фрустрации у русского и титульного населения республик и степень негативного эмоционального возбуждения, которое является психической основой агрессивных проявлений.

Негативные эмоции не обязательно должны быть вполне выражены, важно, что они увеличивают общий уровень активации и усиливают тенденцию к действию. Именно поэтому мы анализировали не только прямые показатели фрустрации, но и косвенные, которые на наш взгляд, в совокупности отражают баланс позитивных и негативных психических состояний в социально-экономической сфере и сфере межнациональных отношений. Все индикаторы, используемые в показателе "фрустрация", представлены в парах. Такая пара состоит из "противоположных" полюсов, один из которых отражает накопление позитивных тенденций в социально- экономической сфере и сфере межнациональных отношений, а второй - накопление негативных тенденций.

Индикаторы фрустрации настоящего, обусловленной социальными, экономическими и политическими проблемами связаны с оценкой удовлетворенности социально-экономическими аспектами жизни, оценкой результатов политических перемен, степени доверия властям и общей оценкой жизненной ситуации. Среди них следующие: удовлетворенность (скорее удовлетворен, вполне удовлетворен) /неудовлетворенность (скорее не удовлетворен, совсем не удовлетворен) своей работой; хорошее (среднее, хорошее и очень хорошее)/плохое (скорее плохое, очень плохое) материальное положение; удовлетворенность/неудовлетворенность культурно-бытовыми условиями (медицина, торговля, транспорт); провозглашение суверенитета определило перемены к лучшему/к худшему; доверие ("доверяю республиканской и общероссийской власти в равной степени")/ недоверие ("не доверяю ни той, ни другой власти"); оптимизм ("все не так плохо и можно жить")/ пессимизм ("терпеть бедственное положение дальше невозможно").

Индикаторы фрустрации настоящего, обусловленной проблемами в сфере межнациональных отношений: оценка меж-

национальных отношений в республике позитивная (благоприятные, спокойные)/ негативная (напряженные); позитивные (гордость, сопереживание)/ негативные (стыд, обида) изменения чувств к своему народу; оценка собственной этнической группы по качествам "взаимовыручка"/ "разобщенность"; лучше/хуже стали в быту межнациональные отношения в республике; отношение к миграции позитивное ("надо привлекать на работу в республику людей из других регионов России")/ негативное ("не надо привлекать на работу людей из других регионов России"). Индикаторы фрустрации прошлого, обусловленной проблемами в сфере межнациональных отношений: не испытывал/ испытывал ущемление прав и возможностей из-за национальной принадлежности; не участвовал/участвовал в межнациональных спорах и столкновениях; опыт межэтнического взаимодействия позитивный ("никогда не сталкивался с негативным отношением на национальной почве")/негативный (бытовой уровень, ограничения в получении работы, физическое воздействие); не было затруднений/были затруднения в личном общении, в общении близких родственников с людьми другой национальности; межкультурные заимствования позитивные/ негативные; (только для титульных народов) оценка помощи русских позитивная ("русские оказали большую помощь в развитии других народов страны")/негативная ("русские реальной помощи особенно не оказывали", "принесли больше ущерба, чем помощи"). В качестве индикатора фрустрации, связанной с будущим, использовался прогноз улучшение/ухудшение межнациональных отношений.

Фрустрация общей направленности, а также фрустрация, связанная с настоящим в меньшей степени переживается титульным населением Татарстана, Саха(Якутии) и Тувы (См. Рис. 2). Русское население республик в большей степени по сравнению с титульными народами испытывает общую фрустрацию и фрустрацию, связанную с настоящим. Более 50% русских респондентов отмечают ухудшение межнациональных отношений за последние два-три года. В Туве и у русских, и у самих тувинцев также более выражена эмоциональная неудовлетворенность, связанная с особенностями межнацио-

нальных отношений в прошлом. У тувинцев особенно выражена негативная оценка прошлого опыта межэтнических отношений. Фрустрация прошлого порождает страх, который с эволюционно-биологической точки зрения может усиливать социальные связи, включая "коллективную защиту" и в то же время снижает доверительность и открытость на межличностном уровне, что можно отметить как у тувинцев, так и у русских Тувы.

В более уравновешенном эмоциональном состоянии находится русское городское население Татарстана, у которых уровень этнической солидарности и открытость в межличностном общении соответствует уровню этих характеристик у титульного населения. По сравнению с титульным населением русское население республик демонстрирует более лояльное отношение к миграции, за исключением Осетии, где именно беженцев не только осетины, но и русские нередко называют в качестве лиц, осложняющих межнациональные отношения в городе.

Напряженность эмоционального состояния русских как этнической группы в сравнении с титульными народами сочетается с более низкими оценками по признакам, входящим в комплекс "этническая солидарность". Этот важный психологический компонент этнической мобилизации приобретает особое значение в самоощущениях этнических групп в республиках с межнациональными конфликтами. Так, оценка русскими "разобщенности" собственной этнической группы в Осетии достигает 72.5%, а "взаимовыручки" - 46% (при среднем процентном показателе по всем группам по качеству "разобщенность" - 52.2%, а по качеству "взаимовыручка" - 68.5%).

У осетин, напротив, этническая солидарность по сравнению с другими этническими группами наиболее выражена - в качестве характерной особенности собственного народа 85.7% осетин отмечают качество "взаимовыручка".

В целом комплекс "этническая солидарность" более выражен у титульных народов, за исключением Якутии, где больше 70% русских оценивают качество "взаимовыручка" как характерное для собственной этнической группы, а у якутов это качество отмечают 57%.

Выраженность еще одного индикатора этнической солидарности - "позитивных чувств к своему народу", у титульных народов республик в три раза выше, чем у русских (при среднем значении 27.5% у титульных народов, среднее значение у русских этого индикатора - всего 9.8%).

Еще один компонент комплекса “этническая солидарность” это выраженность потребности в этнической принадлежности, которая исследуется на основе анализа этноаффилиативных тенденций. Этноаффилиативные тенденции являются важным психологическим компонентом этнической консолидации и этнической мобилизации, определяющих степень единства и действенности этнических групп. Выраженность этноаффилиативных тенденций может выступить одним из показателей степени этнической мобилизации, отражающей возможность объединения людей по этническому признаку для совершения реальных действий.

Индикаторы, отражающие низкую потребность в этнической принадлежности ("антиэтноаффилиативные тенденции") выбор ответов: "для меня не имеет значения моя национальность и национальность окружающих"; "современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальности". Индикаторы, отражающие высокую потребность в этнической принадлежности - ответы: "Я никогда не забываю, что я татарин (русский, тувинец и др."; "человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы".

Интересный и подробный анализ данных индикаторов на русском населении республик Татарстана, Тувы и Саха(Якутии) представлен в статье С.В.Рыжовой в данной книге.

У титульных народов по сравнению с русским населением республик более выражены этноаффилиативные тенденции ("необходимо ощущать себя частью нации", "никогда не забывают о своей национальной принадлежности"). Самая высокая потребность в этнической принадлежности у титульных народов выявлена в республиках с межнациональными конфликтами - в Северной Осетии и Туве, самая низкая - в Татарстане. Практически в два раза ниже эта потребность выражена у русского населения республик - среднее по двум индикаторам у титульных народов равно 66.5% при 35% у

русских. По сравнению с титульными народами у русских меньше выражены "антиэтноаффилиативные" тенденции ("не имеет значения национальность", "не обязательно быть частью нации") (средние значения - 63% у титульных народов и 31.3% - у русских). Выраженность этноаффилиативного комплекса сопряжена с ростом позитивного образа собственной группы, ее привлекательности. Такая тенденция более свойственна титульным народам. Русские российских республик на протяжении последних 10 лет испытали немало разочарований на основе своей этнической принадлежности. Не случайно титульные народы гораздо чаще отмечали изменение за последнее время чувств к своему народу в позитивную сторону по сравнению с русским населением.

Более слабая выраженность в сравнении с титульными народами этноаффилиативных тенденций у русского населения республик, существенно ослабляя психологические возможности его консолидации, в то же время повышает возможности адаптации русских к изменившимся этносоциальным условиям. Это особенно важно отметить в условиях, когда у титульных народов наоборот сильно выражены психологические основы этнической мобилизации - этноаффилиативные тенденции, этническая солидарность.

По анализируемым показателям у русских в целом по представленным республикам России по сравнению с титульным населением более высокий уровень негативного эмоционального напряжения, определяемый как проблемами общей социальной направленности, так и актуальными проблемами межнациональных отношений. Особенно эта тенденция как у титульных народов, так и у русских выражена в республиках с межгрупповыми конфликтами - в Туве и Северной Осетии, где русские являются этническим меньшинством. (В этих республиках и у титульных этносов более высокий уровень эмоциального напряжения.

Результаты межэтнического взаимодействия зависят от установок на поведение в ситуациях межэтнических разногласий и конфликтов. На основе группы сдвоенных полярных индикаторов исследуются предпочтения титульных национальностей и русских, проживающих в различных республиках, в

выборе соперничающей (навязывание другой стороне различными способами, в частности насильственными, предпочтительного для себя решения) или кооперативной ("проблемно-решающей" - поиск решения, которое удовлетворило бы обе стороны) стратегий межэтнического взаимодействия. В данном слу-чае, помимо индикаторов, работающих на межгрупповом уровне, мы считали возможным использовать в качестве дополнительных индикаторы, отражающие взаимоотношения с Центром. Здесь мы исходили из того, что Центр, как правило, в республиках воспринимается русским, поэтому анализировали эти показатели в континууме "соперничество-кооперация" в контексте отношений между титульным и русским населением республик.

Среди индикаторов соперничество - кооперация соответственно выделены следующие: "соперничество", "кооперация" - как качества, приписываемые для собственной этнической группы; "соперничество", "кооперация" - как качества приписываемые для другой группы; оценка доминирующей идентичности общероссийской или республиканской для титульных народов - “в большей степени гражданин своей республики”/ “в равной мере гражданин своей республики и Российской Федерации”; для русских - “ в большей степени гражданин Российской Федерации”/“в равной мере мере гражданин своей республики и Российской Федерации”; для титульных народов - "распоряжение землей, природными ресурсами должно находиться в исключительном ведении республики"/"землей, природными ресурсами должны распоряжаться республика и Российская Федерация"; для русских - "Россию вообще не надо делить на республики"/ "республики должны иметь право выхода из Российской Федерации".

Среди русского населения республик меньшее стремление к кооперации проявляют русские из Тувы. Соответственно они наиболее высоко оценивают стремление к соперничеству (около 60%) со стороны титульного народа. В целом городские жители Тувы (как русские, так и тувинцы) в сравнении с другими регионами несколько чаще приписывают себе стиль соперничества (1/4 всех тувинцев и 1/5 всех русских). Вероятно, это отражение соревновательного стиля взаимоотноше-

ний между тувинцами и русскими в различных сферах жизнедеятельности в республике.

Более высокая в сравнении с титульными народами направленность на кооперацию у русских определяется позитивной оценкой опыта межэтнического взаимодействия, признанием значимости гражданства республики их проживания, высокой готовностью к кооперации на групповом и личностном уровне. Например, в Северной Осетии около 70 процентов русских в равной мере чувствуют себя гражданами Республики Северная Осетия и Российской Федерации и по сравнению с другими регионами выше оценивают такое качество как "сотрудничество" у титульного народа.

И у титульного, и у русского населения выражен анти- экстремистский комплекс - недопустимость жертв и насилия, стремление сгладить конфликт и пойти на односторонние уступки, предпочтение переговоров действиям чрезвычайного характера, в том числе и военным. Непопулярность экстремизма и силовых методов в межэтническом и межгосударственном взаимодействии и ожидание с обеих стороны в первую очередь кооперативного взаимодействия существенно снижает вероятность проявления крайних негативных стратегий в отношениях между народами.

Однако на возможность развития стратегий соперничества в межэтническом взаимодействии указывает прежде всего выраженность "национально-территориальных" ("больше чувствую себя гражданином своей республики", "земля и ресурсы должны быть в исключительном ведении республики") ориентаций у титульного населения республик. В наименьшей степени эта тенденция выражена у осетин в Северной Осетии. Вероятно, именно поэтому меньше всего русских в этой республике по сравнению с живущими в других республик чувствуют себя гражданами только Российской Федерации (16.9%, что в два раза больше, чем в Туве и Татарстане). Ориентациям на кооперацию между русскими и осетинами содействует декларируемая Северной Осетией пророссийская политика. Тем не менее выраженность "национально-территориального" комплекса свидетельствует о том, что национально-государственный статус территорий приобретает все боль-

шее значение на уровне этнического самосознания и может оказаться важнейшим ориентиром в выборе стратегий межэтнического взаимодействия. Это определяет повышение актуальности в контесте межэтнического взаимодействия таких потенциально конфликтных этносоциальных измерений как "корен-ной-некоренной", "большинство-меньшинство", "титульный-нетитульный".

В каждой республике межэтническая напряженность имеет собственную специфику, которая различается по локализации агентов межэтнической напряженности и их психологическому состоянию. В Республике Тува и Республике Саха (Якутия) межэтническая напряженность имеет внутренний характер. Но если в первой республике ее рост может быть обусловлен более значительным конфликтным потенциалом русского населения, то во второй - изменение уровня межэтнической напряженности в большей степени зависит от психологического состояния титульной нации.

В Северной Осетии, где главный узел межэтнической напряженности существует между осетинами и ингушами, для взаимоотношений между русским и титульным населением республики характерно стремление к кооперации, снижение уровня негативизма и взаимозаинтересованность.

В Республике Татарстан межэтническую напряженность можно охарактеризовать как "внешненаправленную с внутренней проекцией" - здесь на психологическом уровне выражена наиболее распространенная в республиках России ситуация, когда отношения с центром проецируются на свое русское население, и развитие внутриреспубликанского потенциала напряженности существенно зависит от характера федеральных отношений.

На данном этапе психологическая напряженность не может иметь самостоятельного значения, так как ни один из показателей не достигает критических уровней и толерантность доминирует над агрессивностью. Однако, в целом равновесие в психологической сфере отношений между титульными народами и русским населением республик достаточно неустойчиво, и вероятность критического воздействия негативных внешних факторов увеличивается. Катализаторами резкого

роста межэтнической напряженности в первую очередь могут выступить политические манипуляции, криминогенность и экономическая усталость.

[1] Солдатова Г.У. Психологическое исследование этнической идентичности в условиях межэтнической напряженности // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994. С. 62-88.

[2] Hunt I. Situational Cues Distinguishing Anger, Fear and Sorrow // The American Journal of Psychology, 81, 1958.